

А. И. Куприянов

РОССИЙСКОЕ БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ*

УДК 94(470) «18/49»

ББК 63.3(2)531

Российское благородное собрание, созданное в 1783 г., было наиболее массовой добровольной организацией дореформенной России. Собрание, организуя общественно-сословный досуг московского дворянства, сыграло решающую роль в преобразовании сферы досуга из приватной жизни, строившейся на связях родства и знакомства, в публичную жизнь, основанную на принадлежности к дворянскому сословию и клубном членстве. Полноправное членство женщин, которые численно преобладали в собрании, было гендерным прорывом. Публичное обсуждение вопросов функционирования собрания, равенство членов, их право вносить любые предложения на голосование — все это способствовало обретению дворянами навыков демократических процедур принятия решений. Благодаря участию провинциального дворянства в качестве членов и посетителей собрания — балы, концерты, маскарады, беседы, принципы организации клубной жизни и клубного пространства постепенно внедрялись в провинции и обретали институализированный характер.

Ключевые слова: *дворянство, публичная сфера, публичная жизнь, общественные организации, досуг, культура*

Деятельность разного рода добровольных обществ и ассоциаций представляет несомненный интерес для изучения становления гражданского общества, которое сопровождалось формированием публичной сферы. Основателем изучения проблематики публичной сферы является философ Юрген Хабермас. После 1989 г., когда была издана его монография по данному вопросу,¹ важное место в процессе перехода от традиционного к современному обществу стали отводить формированию публичной сферы.

Многие вопросы генезиса и становления публичной сферы в России остаются неясными: была ли она по своему содержанию «буржуазной», первыми агентами которой были дворяне, или же она возникает как «дворянская», которая со временем, благодаря влиянию разночинной интеллигенции и нарождающегося класса предпринимателей, обретает более открытый «буржуазный» характер?

В поисках ответа на эти вопросы особый интерес представляет история одного из ста-

рейших добровольных объединений императорской России — Российского благородного собрания (РБС). Деятельность РБС не ограничивалась обменом мнений и идей между его членами и гостями, а выполняла разнообразные функции, поэтому публичная сфера рассматривается в статье в более широком контексте — как пространство публичной жизни, а публичность понимается как антитеза приватности, как жизнь в «обществе», жизнь на «публике».

История РБС, которое до конца 1810 г. именовалось Московским благородным собранием, теснейшим образом связана с историей дворянского сословия конца XVIII в. и до начала XX в. Московское благородное собрание появилось в 1783 г. Увы, при наступлении войск Наполеона бухгалтер РБС бежал из Москвы, оставив там весь архив общества, который был уничтожен пожаром.² Поэтому история РБС до 1813 г. реконструируется по единичным сохранившимся документам, а также запискам и мемуарам современников. Автор одного из первых очерков об истории РБС А. П. Барсуков установил, что старшины собрания в 1838 г. в качестве его основателей назвали сенатора М. Ф. Соймонова и князя А. Б. Голицына, портреты которых они решили разместить в залах.³

¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge (Mass.), 1989.

*Куприянов Александр Иванович — д.и.н., в.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)
E-mail: akouprianov@rambler.ru*

* Работа выполнена за счет гранта РГНФ №15-01-00325 «Российское благородное собрание в контексте формирования публичной сферы в России»

² ЦАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 10б.

³ См.: Барсуков А. П. Российское благородное собрание в Москве по сохранившимся архивным документам. М., 1886. С. 3.

К 1783 г. клубная история Москвы была еще весьма короткой. Первым в 1772 г. в столице появился Московский английский клуб. В конце 1780 г. возник дворянский клуб, сохранившийся частным лицом — французом Лефевюром. Через два года купец Илья Михайлов открыл собственный клуб для «подписавшихся персон, как господ, так и иностранного и русского купечества». Тогда же появилось аналогичное заведение иноземки Регины Фавер.⁴ Однако наличие этих клубов (некоторые из них к моменту учреждения РБС уже закрылись) не помешало созданию и успешному развитию РБС.

Существовавшие в Москве клубы не могли удовлетворить возросшую потребность многочисленного московского дворянства в досуговом общении. Необходимость создания клуба на ином основании, чем Московский английский клуб и другие заведения этого типа, была осознана в 1782 г., когда прошел первый съезд дворянства Московской губернии, главной задачей которого был выбор судей, судебных заседателей и органов сословного дворянского самоуправления. Съезд сопровождался различными увеселениями: балами, маскарадами и концертами, в которых участвовали дворяне обоих полов. Но все эти мероприятия проходили в домах главнокомандующего и гражданского губернатора. Дворянской обществу было очевидно, что необходима собственная «площадка» для организации корпоративного публичного досуга.

Уже в следующем, 1783 г. и учреждается Московское благородное собрание, которое вскоре решило вопрос с приобретением собственного помещения. В декабре 1784 г. московское дворянство купило дом на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда, который был перестроен архитектором М. Ф. Казаковым специально для проведения многолюдных балов. Огромный колонный зал производил большое впечатление на современников, среди которых был Франсиско де Миранда (в будущем герой войны испанских колоний в Южной Америке за независимость), побывавший в здании на Большой Дмитровке в мае 1787 г. «Это прекрасная зала, быть может, в своем роде самая большая в Европе — 120 футов в длину и 72 в ширину, — с лепными украшениями

и деревянными колоннами, кажется, коринфского стиля. Зала имеет прямоугольную форму и очень красива. По всему периметру, на высоте, составляющей две трети колонны, проходит галерея, где располагаются музыканты», — свидетельствовал просвещенный креол.⁵ Другой путешественник, француз Фортиа де Пиль, посетивший Москву в 1792 г., писал: «Мы видели четыре таких ассамблеи, в двух последних было две тысячи человек: и это возможно самое красивое зрелище. Лондонский пантеон (сгоревший недавно) был единственным местом, превосходившим это по элегантности и красоте строения, но он не мог сравниться со здешним в избранности общества».⁶

В чем была привлекательность РБС для русских посетителей? Вот каким увидел бал 29 января 1801 г. впервые посетивший собрание молодой провинциал И. А. Второв: «Вход в освещаемые комнаты, особливо в огромный длинный зал, наполненный лучшим дворянством обоюбого пола, был поразителен. До четырех тысяч персон, собранных в одном месте, одетых в лучшее платье, особливо дамы и девицы, украшенные бриллиантами и жемчугом, составляли для меня восхитительное зрелище, каким я никогда не наслаждался». Далее в его дневнике читаем: «Зал великолепный и обширнейший, освещен множеством люстр и разноцветных огней, и на внутренних верхних балконах, вокруг всего зала, поддерживаемых множеством колонн, возле стен сделано возвышение о двух ступенях, окруженное перилами, и по обеим сторонам сего возвышения, у стен и краев мягкие диваны для сидящих зрителей». Но не меньше, чем убранством зала, он был поражен «вежливостью, учтивостью и благопристойностью» многочисленного общества.⁷

Итак, два опытных путешественника, обехавших полмира, и молодой дворянин, прибывший в столицу из Самарской губернии, поражены изысканностью архитектуры парадных комнат и интерьеров. Однако на первое место они ставят «избранность общества», что является констатацией сословного характера РБС.

⁴ См.: К столетнему юбилею Московского дворянского клуба // Русский архив. 1879. № 4. С. 523, 524; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стб. 1068–1070.

⁵ Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 180.

⁶ Fortia de Piles. Voyage de deux Francais dans le Nord de l'Europe. Paris, 1796. Vol. 3. P. 308.

⁷ Дневник И. А. Второва был частично опубликован М. Ф. Де-Пуле в «Русском вестнике» (1875. № 4–9), но в журнале фрагменты оригинального текста сочетаются с пересказом его содержания составителем. Поэтому цитирую по архивному оригиналу: РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 9–10.

Очевидно, что пункт об обязательной принадлежности к дворянству как условию членства в обществе был в первом уставе собрания. К такому умозаключению можно прийти, исходя из описания РБС у Фортиа де Пиля: «Этот клуб состоит исключительно из дворян (банкиры, даже самые известные, не могут туда попасть), и это общество не может сравниться ни с одним из тех, что мы видели».⁸ Даже когда в разоренной Москве старшины РБС, испытывая колоссальные трудности, пытались наладить привычный клубный уклад, они сделали 3 декабря 1813 г. характерное заявление: «Старшины пребывают в полном удостоверении, что г-да члены иных посетителей и посетительниц представлять не будут, как из дворянского сословия».⁹

При возникновении РБС важнейшую роль сыграла потребность в досуговом общении многочисленного московского дворянства. Но чем принципиально отличалось РБС от существовавших клубов? Обычный принцип вступления в клуб — баллотирование (голосование) членами клуба кандидата. В РБС принимали любого дворянина, рекомендованного двумя членами и заплатившего годовой членский взнос. Старшины могли поставить на голосование лишь кандидатуру того, чьи нравственные достоинства вызвали у них сомнения. Но было и более принципиальное отличие — гендерное. В РБС принимали не только мужчин, но и женщин. Ни в одном другом клубе, существовавшем в России в то время, женщины не могли быть полноправными членами. В РБС со временем появился и институт самоуправления, избираемый дамами, — директрисы. Мужчины же отдельно от дам выбирали коллегиальный орган управления — совет старшин, занимавшийся разнообразными организационными вопросами, включая наблюдение за столом и напитками, а также выделением пенсий и контролем текущих расходов. Более важные вопросы — изменения в уставе, определение финансовой политики — решались не старшинами, а всеми членами РБС путем баллотирования. Электоральная активность членов собрания, впрочем, не была особенно высокой. После войны 1812 г. она заметно снизилась, поэтому пришлось изменить пункт Устава 1803 г. о признании голосования состоявшимся. Если раньше для принятия

решения кворум был определен в 81 человек, то 27 декабря 1815 г. была принята поправка: «... но как сего числа членов по приглашению никогда не съезжается, то отныне чрез “Московские ведомости” три раза извещать членов о назначенном для съезду дне, и в тот день сколько членов съедется, баллотирование числом оных уже почитается действительным».¹⁰

Московское дворянство рассматривало пребывание в РБС как важный элемент социализации подрастающего поколения, поэтому возраст приема в члены, согласно Уставу 1803 г., был установлен очень юный: для девушек — с 13 лет, для молодых людей — с 15. В дальнейшем под влиянием новых педагогических представлений возрастной ценз, дающий право на посещение РБС, был повышен в 1849 г. до 16 и 17 лет, соответственно.

Московское дворянство гордилось домом РБС, и некоторые его члены были действительно обеспокоены тем, «что первое в свете собрание, нигде себе подобного не имеющее, приходит в упадок», как писал в декабре 1813 г. генерал-майор князь Александр Щербатов.¹¹ Тем не менее, оно в своем большинстве осталось глухо к призывам старшин пожертвовать средства на восстановление собрания. Пожертвования сделали всего 9 человек на общую сумму 13 237 руб., из которых 10 тыс. руб. внесла графиня Анна Родионовна Чернышева. Кроме того, 20 человек выделили заимообразно на ремонт здания сумму 30 900 руб.¹² Объяснить такое нежелание большинства московских дворян внести свою лепту лишь последствиями войны нельзя. Многие из представителей дворянской элиты владели огромными именьями в разных губерниях империи, однако не пожелали материально поддержать дело восстановления РБС. Вероятно, и вдова бывшего московского главнокомандующего З. Г. Чернышева испытала разочарование, узнав, что она одна на восстановление собрания внесла втрое больше, чем все российское дворянство. Графиня намеревалась пожертвовать еще 20 тыс. руб., но передумала и решила направить деньги на более полезные, по ее словам, дела, о чем в январе 1814 г. она уведомила старшин РБС.¹³ Значительную роль в том, что сумма пожертвований оказалась скромной, сыграли

⁸ Fortia de Piles. Voyage de deux Francais dans le Nord de l'Europe. Paris, 1796. V. 3. P. 307.

⁹ ЦАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 160б.

¹⁰ ЦАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Там же. Д. 53. Л. 40об., 41.

¹³ Там же. Д. 7. Л. 210б., 22.

особенности мировосприятия московского дворянства, в котором подданство преобладало над гражданством. Если бы призыв к пожертвованию исходил от монарха, а не от старшин РБС (людей, кстати, заслуженных и пользовавшихся доверием общества), собранная сумма оказалась бы куда более значительной.

Столкнувшись с проблемой нехватки средств на восстановление здания, основательно пострадавшего от пожара во время оккупации Москвы французскими войсками, старшины клуба в июле 1813 г. обратились с прошением к императрице Марии Федоровне: «Здание сие, сооруженное иждивением дворян, есть единое в Российской империи, которое удостоено вечно незабвенной памяти императрицею Екатериною II наименования дома благородного собрания <...> во оном собирается дворянство не для одних забав, но и для избрания между собою способных на службу земскую, а во время войны и в ополчение для защищения отечества воззываемого».¹⁴ В этой репрезентации общественной значимости РБС присутствует два основания. Во-первых, уникальность самого учреждения обосновывается ссылкой на авторитет Екатерины II. Во-вторых, при упоминании его полифункционального назначения подчеркивается прежде всего то обстоятельство, что оно служит московскому дворянству местом для проведения выборов, включая избрание командного состава ополчения в военное время. Фактически последним в прошении деликатно напоминалось о жертвах, понесенных московским дворянством в Отечественной войне 1812 г. Эти «сигналы» были услышаны адресатом. 14 августа 1813 г. последовало согласие императрицы на выделение ссуды в размере 67 тыс. ассигнациями для ремонта дома РБС.¹⁵ Однако этих средств оказалось недостаточно, и в 1814 г. Александр I выделил еще 150 тыс. руб., из которых 67 тыс. возвращались в Опекунский совет. Наконец, 25 августа 1816 г. император сделал РБС поистине царский подарок, простив весь долг — 150 тыс. руб.¹⁶

Этот щедрый дар, а также именование Александром I собрания не «московским», а «российским» послужили в середине 1840-х гг. поводом для упорных дискуссий о природе собственности РБС. Принадлежит ли здание

собрания московскому дворянству или же всему российскому благородному сословию? Этот вопрос обсуждался как старшинами РБС, так и членами московской дворянской корпорации в ходе одного из собраний. Правовое положение дома собрания оставалось в 1840-е гг. таким же неопределенным, как и много лет назад, когда купчая на дом была оформлена на имя одного из учредителей собрания, пока Екатерина II не повелела считать дом собственностью московского дворянства. Как и тогда, вновь потребовалось высочайшее решение, которое в 1849 г. закрепило право на него за дворянством Московской губернии.

Все эти юридические проблемы в данной статье можно было бы и опустить, но в историографии утвердился ошибочный подход одного из первых исследователей РБС А. П. Барсукова, который считал, что причиной «полного упадка» РБС начиная с 1842 г., наряду с сокращением доходов, были «гибельные разногласия и споры» о праве собственности на дом. Соответственно, упомянутое повеление Николая I он рассматривал как даровавшее «способы восстановления благосостояния сего учреждения».¹⁷ Полагаю, что такая интерпретация причин финансового неблагополучия РБС существенно упрощает ситуацию. Обращение к журналам старшин и приходно-расходным книгам за 1840-е гг. позволяет установить иные причины кризиса РБС. Одни причины имели управленческий характер (некомпетентность эконома и многих старшин собрания, неоправданно большие траты на устройство всевозможных праздников, особенно связанных с семьей правящего монарха), другими причинами стали ментальные стереотипы поведения (у московского дворянства сохранились барские привычки персонажей «Горе от ума» А. С. Грибоедова, связанные со стремлением оградить сословную избранность и высокие клубные стандарты потребления). Старшины и члены РБС не смогли сразу внести коррективы, соответствовавшие происходившим в стране изменениям. Не менее важную роль в снижении интереса провинциального дворянства к РБС сыграли социокультурные факторы. Прежде всего, 1830–1840-е гг. являлись временем становления в провинции самостоятельной публичной жизни, включая появление местных газет. Во многих губернских и даже в некоторых

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 11, 120б.

¹⁶ Горчаков Н. Д. О Российском благородном собрании в Москве. М., 1843. С. 12, 13.

¹⁷ Барсуков А. П. Указ. соч. С. 32–34.

уездных городах утвердились и новые формы городского досуга, которые предоставлялись возникавшими клубами, дворянскими (благородными) и купеческими собраниями.¹⁸ Эти новые тенденции социокультурного развития городов привели к снижению интереса провинциального дворянства к зимним поездкам в Москву для развлечений в РБС. Наконец, еще раньше в среде состоятельного провинциального дворянства возобладали иные стандарты поведения, среди которых бережливость, хозяйственность и практицизм играли важнейшую роль. Эта разница в поведении, интересах, мировосприятии столичного и провинциального дворянства оказалась особенно заметной в 1812 г., когда тысячи дворянских семей были вынуждены оставить Москву и поселиться в провинции. Об отличии провинциалов от москвичей, например, убедительно писала своей подруге одна из таких беженок, М. А. Волкова.¹⁹ Роскошь дамских нарядов на балах в РБС постепенно стала не восхищать, а тяготить провинциальных дам и барышень. Все эти причины не могли не привести к сокращению числа членов и посетителей собрания. Однако разумное управление и адаптация столичного дворянства к меняющимся условиям пореформенной России позволили РБС сохранить свое место среди других клубных учреждений Москвы.

После учреждения РБС там организовались главным образом развлечения досугового типа: танцы, музыка, игра в карты, беседы, а также ужины. Все это формы досуга, давно вошедшие в повседневную жизнь столичного и провинциального дворянства. Тот же набор развлечений был и в частных домах богатых москвичей. Но имелось и существенное отличие: досуговое общение прежде носило преимущественно приватный характер. На свои балы и званые ужины московская знать приглашала многочисленных гостей по своему усмотрению. В РБС же представители этих родственных кружков и разных ведомств, неизбежно вступали в контакты и перемешивались в ходе общения.

Еще большее значение повседневное общение по клубным дням имело для провинциального дворянства. «Не одно московское дворянство, но дворяне всех почти велико-

российских губерний стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить в нем жен и дочерей. <...> Все Замоскворечье было застроено сими помещичьими домами. В короткое время их пребывания в Москве они не успевали делать новые знакомства и жили между собою в обществе приезжих, деревенских соседей: каждая деревня имела свой особый круг. Но по четвергам все они соединялись в большом кругу Благородного собрания...», — свидетельствует Ф. Ф. Вигель.²⁰

РБС было ориентировано главным образом на удовлетворение культурных запросов собственных членов. С этой целью был организован библиотечный кабинет, в котором можно было ознакомиться с русскими и зарубежными, преимущественно французскими, газетами и журналами. Еще большую роль играло РБС в концертной жизни Москвы. На его эстраде устраивались музыкальные, вокальные и мелодраматические концерты выдающихся европейских и российских исполнителей. Концерты давались преимущественно вне бального сезона — во время великого поста. Среди членов РБС было немало любителей и тонких ценителей музыки, которые участвовали в благотворительных концертах «благородных артистов». Сбор от таких мероприятий шел в пользу разных заведений. Концерты с благотворительной целью устраивались и профессиональными исполнителями.

Большая вместимость, великолепное убранство и хорошая акустика — все это делало колонный зал РБС самым подходящим местом Москвы для организации крупных постановок идеологической направленности, прославлявших могущество Российской империи, приверженность русского народа своим монархам и православию. Так, 20 февраля 1818 г., в день открытия на Красной площади монумента Минину и Пожарскому, по распоряжению Александра I вечером в зале РБС была исполнена оратория «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы» (сочинение Н. Горчакова, музыка С. Дехтярева). По воле царя в ней участвовало до 300 исполнителей: оркестр придворного театра, императорская капелла певчих и музыканты гвардейских полков. Сбор от представления (до 20 тыс. руб.) пошел в пользу инвалидов,²¹ т. е. раненых и потерявших здоровье воинов.

¹⁸ См.: Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII — первая половина XIX века. М., 2007. С. 152–175.

¹⁹ Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской. 1812–1818 гг. М., 2013.

²⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 70, 71.

²¹ См.: Горчаков Н. Д. Указ. соч. С. 35.

Социальная общегородская значимость мероприятий культурного характера, устраиваемых в РБС, со временем возрастала. Изначально выступления музыкантов, певцов, танцоров, декламаторов были рассчитаны на членов РБС. В дальнейшем РБС было вынуждено предоставлять свои залы на контрактной основе для выступлений артистов, импресарио которых стремились к получению максимальной выручки от концертов, поэтому их не интересовала принадлежность слушателей или зрителей к членству в РБС и даже их сословный статус. Такой подход имел несомненный успех: колонный зал на выступлениях европейских исполнителей-виртуозов был полон. Так, на первом концерте знаменитого итальянского тенора Джованни Батиста Рубини в марте 1843 г. собралось до 3 000 слушателей.²² Не столь известные певцы и музыканты также охотно выступали в других, меньших залах РБС. В 1815 г. расценки за аренду музыкантами залов были следующие: большой зал с проходною и «тою, где монумент, без освещения и услуги, за двести пятьдесят рублей в вечер»; за столовую комнату сто пятьдесят рублей; за большую Гостиную, Газетную, и маленькую Гостиную вместе сто пятьдесят рублей.²³

Когда же благодаря щедрому дару Александра I финансовое благополучие РБС было восстановлено, старшины стали практиковать сдачу залов артистам на условиях устройства бесплатных концертов для членов и гостей клуба. Такая практика продолжалась и в 1840-х гг., когда возник очевидный дефицит бюджета собрания.²⁴

Члены собрания, исполненные искренних монархических чувств, стремились продемонстрировать свою любовь к государю и торжественно отпраздновать наиболее значимые события в жизни семьи правящего монарха. Разумеется, центральным событием каждого царствования была церемония коронации монарха в Кремле. Начиная с коронации Александра I появилась традиция устраивать для нового монарха бал в стенах РБС. В сентябре 1801 г. это мероприятие, судя по отзывам И. А. Второва, одного из восторженных современников, было организовано далеко не идеально: была чрезвычайная теснота из-за большого числа приглашенных гостей и членов (всего около 6 тыс. чел.), лежали груды шпаг и шляп кавалеров, в результате чего

пропала шпага великого князя.²⁵ Однако на Александра I искреннее одушевление, проявленное московским дворянством и приезжими из провинции, произвело благоприятное впечатление. В 1809 г. он вместе с сестрой Екатериной посещает бал, который дает ему московское дворянство. На балу было до 3 000 членов и посетителей, а еще до 500 дам занимали хоры и «составляли вид единственный и необыкновенный», — свидетельствовал князь Н. Д. Горчаков.

Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I — все эти монархи благоволили деятельности РБС. Показательно, что когда Павел I запретил в России все клубы, опасаясь той роли, которую они сыграли во французской революции 1789 г., РБС не попало под этот запрет. Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна даже вступили в это объединение. В декабре 1810 г., когда членам собрания следовало обновлять свои билеты, монарх направил старшинам рескрипт, который произвел на московское дворянство неизгладимое впечатление. «Сим желаю я означить, сколь много цену я чувства приверженности, коими сословие сие всегда отличалось. Союз, полагаемый усердием его членов и моим к нему благорасположением, пребудет неразрывен: и в отсутствии моем среди вас находиться я буду»,²⁶ — выверенно расставил акценты в своем послании император. Именно в этом рескрипте он впервые назвал Московское благородное собрание «Российским благородным собранием». Имела ли место простая неточность, которую допустила, например, тогда же, 5 января 1811 г., великая княжна Екатерина Павловна, обратившаяся к старшинам не Московского благородного, но «Московского дворянского собрания», или же Александр сознательно дал иное, консолидирующее в масштабах империи название этому собранию, мы едва ли сможем узнать. Очевидно другое: старшины и члены собрания увидели в этом символический жест и охотно им воспользовались.

После войны 1812 г. старшины пытались наладить систему распространения членских билетов в провинции через губернских предводителей дворянства. Причины этого явления нельзя свести к стремлению пополнить бюджет РБС с помощью вовлечения новых

²² Там же. С. 39.

²³ ЦАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 121. Л. 1–6.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 44об., 45.

²⁶ Цит. по: Барсуков А. П. Указ. соч. С. 11.

членов. Старшины собрания осознавали его культуртрегерскую роль в жизни провинциального дворянства. Но после войны 1812 г., в условиях патриотического подъема, активная часть московского дворянства почувствовала отсутствие общественного института, который бы объединял дворян не в рамках губернской корпорации, но в масштабах всей Российской империи. Жалованная грамота дворянству такого института не предусматривала, ожидать от монарха создания некоего представительного органа дворянского сословия также не приходилось. Поэтому элита московского дворянства интуитивно, через вовлечение в члены РБС представителей дворянства других губерний, в том числе западных окраин империи, пыталась укрепить единство господствующего сословия. Старшинам собрания дворянство виделось не только традиционной «подпорой трона», но и агентами процессов культурной интеграции народов Российской империи. Попытка вовлечь польских, литовских и немецких (остзейских) дворян в этот процесс путем приглашения к участию в развлеченьях РБС была обречена на провал по многим причинам. В первую очередь, среди факторов, которые не позволили реализовать цели консолидации дворянства, следует назвать националистические настроения нерусского дворянства, а также наличие местной публичной жизни в крупных городах западных частей империи — Варшаве, Риге, Вильно, Киеве и некоторых других. Значительные расстояния, отделявшие европейские окраины империи от Москвы, при отсутствии железных дорог делали дальние поездки весьма утомительными. Наконец, для дворянства западных окраин Москва не имела притягательности столичного города: двор, министерства и ведомства располагались в Санкт-Петербурге, который был еще и портовым городом, что открывало возможности для путешествий по Балтийскому морю. Москва же представляла больший интерес для торгово-предпринимательских кругов, но они оставались вне сферы идеологических интересов элиты московского дворянства.

Единственный успех в деле интеграции дворянского сословия был достигнут старшинами РБС в связи с торжествами по случаю коронации Николая I, когда в Москву съехались представители дворянства всей империи. Старшины РБС пригласили губернских предводителей дворянства для обсуждения

празднества «от лица российского дворянства» по случаю коронации на 17 августа 1826 г. Собравшиеся предводители согласились к имеющейся сумме внести недостающие 30 тыс. руб., «а чтобы празднество сие имело столь знаменитому обстоятельству приличный вид, наименовать всех гг. предводителей и маршалов как представителей лица всего дворянства старшинами от их сословия, единственно на сей важный только случай, для встречи и приема государя императора и августейшей фамилии...» Для этого было решено избрать временных старшин из числа съехавшихся губернских предводителей. Среди подписавших это постановление были виленский, киевский и подольский губернские маршалы, а также предводитель дворянства Волынской губернии.²⁷ Празднование было хорошо организовано и прошло с большим размахом. На одно освещение и иллюминацию ушло более 8 тыс. руб., а общие затраты составили 58 312 руб. Следует отметить, что старшины сочли возможным пригласить на ужин даже представителей московского купечества, которому было выделено 150 билетов.²⁸

Николай I не сразу оценил целесообразность оказания символической поддержки РБС. Новый царь вообще не любил всякие формы самоорганизации, предпочитая ей военно-полицейские способы управления обществом. Лишь когда московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын сделал соответствующее представление монарху, тот в апреле 1830 г. высочайше соизволил, чтобы его имя было внесено в список членов РБС, и пожаловал собранию 5 тыс. руб.²⁹ Разница в отношении к институтам сословной самоорганизации общества двух монархов — Александра I и Николая I — наглядно предстает через сравнение их пожертвований РБС — 150 тыс. руб. и 5 тыс. руб., соответственно.

Владение РБС обширным домом в центре Москвы приводило к тому, что его использовали порой для целей, которые не были предусмотрены уставом. Так, оно стало первой выставочной площадкой Москвы для демонстрации изделий отечественной промышленности. Первая московская выставка произведений промышленности прошла с 17 мая по 8 июня 1831 г. в залах РБС. Во главе выставочного комитета был один из членов РБС, князь С. И. Гагарин.

²⁷ ЦАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 53. Л. 15–16.

²⁸ Там же. Л. 49, 56об.

²⁹ См.: Барсуков А. П. Указ. соч. С. 31, 32.

Выставка прошла с большим успехом: ее посетило более 125 тыс. чел. Вторая выставка состоялась в здании РБС в июне 1835 г. Третья московская выставка российских мануфактурных изделий вновь была размещена в залах РБС. Ее организаторы были не вполне довольны условиями проведения выставки в неспециализированных помещениях, о чем они публично заявили в предисловии к «Указателю» выставки 1843 г.³⁰ Однако сооружение специальных павильонов для экспонатов требовало серьезных затрат, на которые казна не была готова. Кроме того, дом РБС выгодно располагался в самом центре Москвы. Поэтому по высочайшему повелению Николая I третья выставка также состоялась в залах РБС и в его отделении, занимаемом Немецким клубом.³¹

Значение промышленных выставок, проводимых в здании РБС, нельзя свести к знакомству предпринимателей и интересующейся публики с достижениями отечественной мануфактурной промышленности. Устройство выставки открывало возможность ознакомиться с ее экспонатами, а многие из них и приобрести всем заинтересованным представителям непривилегированных слоев общества. Впервые они могли войти в здание РБС с парадного входа в качестве публики, чтобы осмотреть не только изделия промышленного производства, но и великолепные залы собрания. Однако организаторы выставки позаботились о том, чтобы отделить благородную публику от простонародья. Избранные зрители посещали выставку по билетам в особые дни — вторник и пятницу. В «обыкновенные дни» «допускаются простолюдины в халатах и кафтанах, не иначе как подпоясанные и благопристойного вида, равно нижние воинские чины в мундирах без шинелей и служители в застегнутых ливрейных фраках и сюртуках».³² Эти же правила в основном были сформулированы еще на первой выставке. Обилию посетителей на промышленных выставках способствовало то обстоятельство, что вход на них был бесплатный.

РБС возникло в ответ на потребность московского дворянства в институализированных формах общения; в свою очередь, оно способствовало росту социальности дворянского общества. Вопреки принятым при учреждении собрания установкам на его сословный

характер, в орбите культурного влияния РБС оказывались и москвичи из непривилегированных слоев общества, а также тысячи провинциальных помещиков.

Функционирование РБС вело к появлению предпосылок для формирования публичной сферы в Российской империи. Это была не та буржуазная публичная сфера, развитие которой в странах Западной Европы описал Юрген Хабермас. Становление буржуазной публичной сферы началось в России лишь в пореформенное время. Ей предшествовала дворянская публичная сфера. Каковы же были отличия дворянской публичной сферы от буржуазной? Прежде всего, роль средств массовой информации в формировании дворянской публичной сферы была куда менее значимой. Во-вторых, творцами и агентами публичной сферы в России не были представители средних городских слоев: предприниматели, журналисты, писатели, адвокаты и другие лица свободных профессий. Ведущую роль здесь играли люди другого социального происхождения и положения: почти вся образованная публика в дореформенной России имела дворянское происхождение.

Благодаря деятельности РБС расширились границы публичной жизни. Те вопросы, которые раньше обсуждались в гостиных богатых дворянских домов, становятся предметом разговоров в более широких кругах. Посетители РБС, принадлежавшие к разным слоям московского дворянства, общались прежде всего со знакомыми. Разумеется, не все они были равны: нередко их связывали патрон-клиентские отношения (богатый покровитель и бедные родственники, начальник и подчиненные). Однако присутствие в залах РБС большого числа посетителей неизбежно способствовало перемешиванию людей из разных кругов. РБС обладало уникальной коммуникационной возможностью: на балу, маскараде или торжественном обеде за несколько часов, а иногда и минут любая социально значимая новость становилась достоянием не просто «света», но фактически всего московского дворянского общества, и быстро распространилась по стране.

³⁰ Указатель третьей в Москве выставки российских мануфактурных изделий 1843 года. М., 1843. С. V–VII.

³¹ ЦАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 121. Л. 10.

³² Указатель третьей в Москве выставки ... С. XII.

Alexander I. Kupriyanov

Doctor of Historical Sciences, Institute of the Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: akoupriyanov@rambler.ru

THE ASSEMBLY OF THE RUSSIAN NOBILITY AND PUBLIC LIFE MODERNIZATION IN THE PRE-REFORM RUSSIA

The Assembly of the Russian Nobility was one of the largest voluntary organization in the pre-reform Russia. The Assembly, one of the main functions of which was organization of social events for the Moscow nobility, played a decisive role in the transformation of social life character from the mostly private, dominated by kinship and personal acquaintance networks into a public domain, based on belonging to the nobility class and club membership. Equal representation of women, who constituted a majority in the Assembly, was a significant gender breakthrough. Public discussion of issues of the Assembly's functioning, equal status of its members, their right to put any issue to vote — all this was instrumental in acquiring by the nobility of democratic procedure and decision making skills. As a result of provincial nobility's participation as members and guests of the Assembly, similar functions — parties, concerts, masquerades, discussions, the principles of club life and club space organization were gradually taking root in the provinces and became institutionalized.

Keywords: *nobility, public sphere, public life, social organization, leisure, culture*

REFERENCES

Griboedovskaya Moskva v pismakh M. A. Volkovoy k V. I. Lanskoj. 1812–1818 gg. [Griboyedovsky Moscow in M. A. Volkova's letters to V. I. Lanskaya]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Publ., 2013. 460 p. (in Russ.).

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: The MIT Press Publ., 1989. 301 p. (in English).

Kupriyanov A. I. *Gorodskaya kultura russkoj provintsii. Konets XVIII — pervaya polovina XIX veka* [City culture of the Russian province. The end of XVIII — the first half of the XIX century.]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2007. 476 p. (in Russ.).

Miranda F. de. *Rossiyskiy dnevnik. Moskva — Sankt-Peterburg* [Russian diary. Moscow–St. Petersburg]. Moscow: Nauka Publ., 2000. 219 p. (in Russ.).

Vigel F. F. *Zapiski* [Notes]. Moscow: Zakharov Publ., 2000. 590 p. (in Russ.).

К статье А. И. Куприянова

Дом Дворянского собрания на улице Охотный ряд в Москве.
Литография А. Гедона и П. М. Русселя с оригинала Ф. Дица. Начало 1850-х гг.

Бал в Петербургском Дворянском собрании 23 февраля 1913 года.
Д. Н. Кардовский. Акварель, 1913 г.

“СОЛДАТУ КЪ СВѢТЛОМУ ПРАЗДНИКУ”

Во всѣхъ залахъ Россійскаго
Благороднаго собранія
13, 14 и 15 марта 1915 года

ВЕРБНЫЙ БАЗАРЪ

Чистый СБОРЪ поступитъ въ распоряженіе МОСКОВСКАГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ на приобрѣтеніе и отправку на передовыя позиціи подарковъ къ празднику св Пасхи воинамъ дѣйствующей арміи.

БОЛЬШОИ КОЛОННЫЙ ЗАЛЪ:

Грандиозный буфетъ-кафе. * Безпрерывная программа при участіи артистовъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и частныхъ театровъ. * Два оркестра музыки. * Цыганскій хоръ. * Неаполитанци.

МАЛЫЙ ЗАЛЪ:

БАЛАГАНЪ.

БОКОВЫЕ ЗАЛЫ:

Продана разныхъ вещей для отсылки въ дѣйствующую армію на передовыя позиціи. * Безпроигрышныя лотереи. Разнообразныя игры. * Безпроигрышная лотерея цвѣтовъ и растений. * Пасхальный базаръ игрушекъ. * Моментальная фотографія.

ВХОДНАЯ ПЛАТА ОДИНЪ РУБЛЬ.

БАЗАРЪ ОТКРЫТЪ: пятница, 13 марта, отъ 4 часовъ дня до 1 часа ночи; суббота, 14 марта, отъ 12 час. дня до 6 часовъ вечера; воскресенье, 15 марта, отъ 12 часовъ дня до 12 часовъ ночи.

Рекламный плакат. 1915 г.